

Катя Козлова обладает не так часто встречающейся способностью видеть все в определенном масштабе. Там, где другие студенты-прозаики пишут рассказ, Катя изобретает повесть. Ее захватывают объем жизни, дополнительные связи, бо-

лее подробные отношения героев. Но ведь, не правда ли, и жизнь состоит из подробностей! Те подробности отношений мальчишек в одном классе, которые предлагает Катя, мне кажутся увлекательными и существенными.

Сергей Есин, писатель, профессор Литинститута

ДВА ИМПЕРАТОРА

ПОВЕСТЬ

Рисунок Настасьи Поповой

1.

31 августа, воскресенье

Ливень с самого утра. С чего бы это? А вчера вечером было так жарко и сухо, что город умирал от жажды. Деревья дрожат, пытаются согреться равномерным раскачиванием, но... не могут. От лета не осталось и следа, его прогнала осень. И у нее, видимо, спешат часы — она пришла на день раньше. Она совсем не похожа на меня. Я постоянно опаздываю. На месте осени я пришел бы где-то в январе.

Придется надевать куртку и брать зонт, хочу пойти купить себе новые наушники. По пути, не обращая внимания на дождь и мокрую, скользкую землю под ногами, перепрыгиваю нашу местную речушку Серпейку.

Привычка перепрыгивать через нее появилась еще в раннем детстве, когда мы с родителями ходили в парк. Когда мы подходили к этой речке, папа брал меня за правую руку, а мама — за левую, и они переправляли меня на другой берег, а потом перешагивали речушку сами. Один раз мама поскользнулась на берегу — и мы с ней полетели в речку. Было весело! Мама потом долго вычищала грязь из моих русых волос. Папа говорил, что теперь я самая настоящая хрюшка — он постоянно смеялся надо мной из-за того, что я родился в год Свиньи.

С тех пор, как у меня появилась сестра, а я пошел в школу, родители ходят в парк только с ней.

...Когда выхожу из магазина, мне путь вдруг преграждает какой-то бронет. Парень плечистый, в глазах — «вечная мерзлота». Или хуже?

— Прикурить есть? — спрашивает он.

— Не курю. И тебе не советую, — сухо отвечаю я, пытаюсь обойти неожиданную преграду на пути домой.

Да, как-то так получилось, что я не курю и не пью, у меня другие вредные привычки: вообще не делать домашнее задание и постоянно опаздывать.

— Ах, ты у нас самый умный значит, да? — неприятно улыбается парень и надвигается на меня.

— Да уж поумнее некоторых! — фыркаю я.

Пусть это безрассудно — говорить такое, ввязываться в потасовку без какой-либо видимой причины, но достоинство всегда для меня было выше всего. А подраться я всегда готов.

Дело бы и закончилось рукопашной, но именно в этот момент из-за угла магазина выходит тетя Марина, наша соседка по подъезду.

— Здравствуй, Сашенька, внучек, — говорит она, приближаясь ко мне и, кажется, даже не замечая моего противника. — Ты домой?

— Да, — несколько теряюсь я.

— Тогда поможешь мне донести сумки из магазина, — бескомпромиссно объявляет соседка и впихивает мне в руки два тяжелых пакета, наполненных продуктами.

И так у тети Марины всегда. Не просьбы, нет. Приказы!

С тетей Мариной прощаюсь на первом этаже. Перед тем, как войти в свою квартиру, соседка пристально смотрит на меня и говорит:

— Ох, чую недоброе. Не по христианским заповедям он живет.

И захлопывает за собой дверь.

Первые несколько секунд я даже не могу понять, что она имела в виду. Вызываю лифт и тут только вспоминаю, что десять минут назад чуть было не подрался с каким-то парнем. Надо же! Я же забыл про него мгновенно, только увидев соседку. Наверное, таких личностей и не стоит помнить.

Странно, чего-то лифт долго не едет. Жду еще минуту, постепенно осознаю, что он сломался. Придется топтать ножками до одиннадцатого этажа. Не такая уж и большая неприятность... Мне нравится этаж, на котором я живу. Для меня жить высоко лучше, чем жить низко.

Думаю о том, что завтра увижу своих друзей. Прежде всего Вадима. Я целое лето был на даче и не мог с ним встретиться. Мы подружились еще в детстве — ходили в один детский сад. Помню,

как во время тихого часа он доставал из подушки перо, клал на пол, дул на него, и оно прилетало ко мне. Я тоже дул, и оно летело к нему. А когда мы поступили в первый класс, у нас появилась новая игра — «Коридор выживания». Пока другие первоклашки носились по коридору, перед нами стояла другая задача: быстро пересечь коридор поперек, ни с кем при этом не столкнувшись. Это было крайне сложно, особенно с учетом того, что другие дети носились по коридору, как угорелые. Один раз Вадим столкнулся с мальчишкой покрупнее, упал на каменный пол и ударился головой. Это было сотрясение мозга. Я долго просил родителей отвести меня к нему больницу, но они, тяжелые на подъем, не хотели этого делать. В конце концов им пришлось согласиться, потому что я не давал им покоя. В травме друга я винил себя, потому что именно я придумал эту опасную игру.

...Небывалое дело — ложусь спать в двенадцать! Обычно я укладываюсь в час, а то и в два ночи. Наверное, это все из-за того, что перед первым учебным днем после каникул я обычно долго не могу уснуть.

Так происходит и в этот раз. После часа безуспешных попыток приманить сон плеер как-то сам пролезает в руку, и мне ничего не остается, кроме как начать слушать музыку. Через пятнадцать минут надоедает неподвижно лежать на кровати, я подхожу к окну и раскрываю его.

На меня тут же раздраженно обрушивается пронизывающий ветер. Закрываю окно и уже сквозь стекло смотрю наружу. Практически кожей чувствую, что становится все более и более холодно, и звезды, кажется, жмутся к Луне в надежде согреться.

Ложусь в кровать и неожиданно засыпаю под убаюкивающие звуки музыки.

1 сентября, понедельник

Холодно. Как же холодно! Опять одеяло уползло? Открываю глаза, приподнимаюсь, смотрю на пол. Да, правда! Оно уже отправилось в школу в этот первый учебный день... Как же хорошо, что мне пока не надо туда идти!

Зеваю, лениво поворачиваю голову в сторону тумбочки, на которой лежит мой сотовый телефон. Протягиваю руку, чтобы посмотреть время. Нам говорили, что линейка будет в 8:00...

На часах 8:30! Снова опоздал! Первого сентября! Когда учебный год только начался! Когда я так ждал встречи с друзьями, с которыми не виделся все лето!

Сонливость слетает мгновенно, и я быстро начинаю собираться, время от времени поспрашивая на часы. Как у всякого вечно опаздывающего человека, они, по моей, собственно, воле спешат на пять минут; эта неточность — моя своеобразная попытка предотвратить неминуемое опоздание.

Десять минут — и исчезаю из дома.

Вот она — школа! Толпа народа волнуется, зевает, спит, просыпается, держит в руках цветы, разговаривает... И я влетаю в эту толпу как в воду. Прорезаю насквозь, мечусь в попытке найти свой класс. Вокруг снуют туда-сюда люди, сливаются в монотонный гул голоса, и ухо может выхватить из общего гвалта лишь отдельные фразы. Выбирать свое направление движения практически невозможно — течение толпы неизменно относит в сторону от места, к которому собирался прийти. При этом заранее не угадаешь, в какую именно сторону толпа тебя отнесет. В ней, как в океане, множество течений. Но... сейчас я больше в течениях своих мыслей, нежели в течении толпы.

Вдруг в окружении множества макушек я вижу особую, примечательную, знакомую. А рядом с ней еще одну. Стоп! А он что здесь делает?!

Рядом с Вадимом стоит тот парень, что просил у меня прикурить вчера днем. Откуда он здесь? Неужели теперь ВОТ ЭТО учится в моем классе? Хотя... Чего удивляться? В этой жизни может быть все. Мне ли этого не знать?

Да пусть он даже теперь и мой одноклассник, поразительно другое — мой лучший друг и мой (хочется сказать «худший») враг оживленно разговаривают и смеются! Почему «худший» враг? Потому, что других у меня нет — я сам себе никогда врагов не нахожу. Да и они раньше как-то не находили меня.

Иду к своему классу уже с меньшим энтузиазмом. Ребята замечают меня, здороваются; некоторые жмут руку.

— А, это ты, придурок! — хмыкает недруг, когда я случайно поворачиваюсь к нему.

Одноклассники смеются, хоть и не понимают, в чем дело. Самое обидное, что смеются и приятели: Васек, Петька, Гришка и лучший друг Вадим. Становится больно.

— Радий, — представляется он и протягивает мне руку. — Ты не обижайся, это я так шучу.

Удивляюсь. Радий? Ну и имя... В сознании быстро всплывает мысль о химическом элементе, но она тут же исчезает, как только я слышу о том, что парень оскорбил меня не со зла. Может быть, это правда, и больше не будет никакой агрессии и никакой ненависти?

Протягиваю руку в ответ, и он сжимает ее очень сильно, чувствую что-то между нашими ладонями... Вдруг раздается глухой треск, и меня ударяет током. Вскрикиваю от неожиданности, пытаюсь отдернуть руку, но Радий вцепился в нее мертвой хваткой и держит настолько крепко, что я не могу вырваться. Ток от электрошокера постукает в мое тело, в глазах мутнеет, я сильно тяну руку к себе, и она, наконец, выскальзывает из «дружеского рукопожатия».

Класс застывает в изумленном молчании.

Первые несколько секунд я хочу ударить парня. Сильно сжимаю кулаки и с ненавистью смотрю в карие глаза, в которых нет ничего, кроме злостной усмешки. Пытаюсь успокоиться, представить, что я сейчас не здесь, не в этой невыносимой ситуации...

Неожиданно он поворачивается ко мне спиной и продолжает разговор с моим лучшим другом как ни в чем не бывало. Меткая шутка быстро разряжает обстановку.

Почему-то вскоре о «дружеском рукопожатии» все словно забывают и весело смеются, когда Радий рассказывает им очередную забавную историю. Только друг иногда поглядывает на меня.

Я стою в стороне и молчу. В душе и ненависть к Радью, и злость на одноклассников за то, что они приняли его в компанию, и обида на друга — он там общается с... этим. Вот он, Вадим, стоит рядом. Вот его кудрявые каштановые волосы, вот курносый нос, вот голубые глаза. Но одновременно его нет рядом. Он где-то там, далеко, будто в другой вселенной.

Скоро нас перестают держать на улице. Видно, мы, как холодец, уже готовы и нас можно подавать к столу — впускать в школу. Там нас и съедят.

На традиционном классном часу, который занимает два урока, я сижу один — Вадим занял место рядом с Радием. В начале урока учительница представляет нам новичка,

— Итак, в нашем классе новый ученик, — улыбается она. — Встань, пожалуйста, — прибавляет учительница чуть тише, смотря на моего нового врага.

Парень поднимается с места, осматривает всех в классе, делает вид, что таким образом знакомится.

— Его зовут Радий Резерфордьеv. Надеюсь, вы с ним подружитесь.

Я хмыкаю — конечно, подружился! Уже подружился!

Всю оставшуюся часть классного часа я думаю о своем, почти не вслушиваясь в то, что

говорит учительница. Выхватываю только отдельные фразы, да и то как-то не слишком нужные мне.

Учительница просит тишины, но мальчики продолжают болтать, а девочки — хихикать. Всем интересно поделиться друг с другом, как они провели лето. Все хотят утолить жажду общения со старыми друзьями. Я чувствую себя изгоем.

После классного часа еще два урока. На них я сижу с Вадимом. Мы не разговариваем и однозначно не вникаем в то, что рассказывает учитель. Сидим с одинаковым задумчивым видом... О чем думает он? О том ли случае с Радием? Не знаю. Но очевидно одно: рядом со мной сидит человек, с которым я не общался три месяца, с которым я хотел поговорить все это время, но я молчу. Ужасно хочется что-нибудь сказать, но сказать решительно нечего.

Из школы мы как всегда идем вместе, нам в одну сторону. Вадим наконец нарушает молчание: — Сань, чего такой кислый? — вдруг обманчиво-весело говорит друг и хлопает меня по плечу.

Вадим... Он такой всегда: непосредственный, веселый, общительный.

— Испортился, — выдыхаю я.

— Что? — сначала не понимает Вадим.

— Испортился, — нейтрально повторяю я.

— М-м-м... Ты тот еще фрукт!

Позволяю себе легкую улыбку.

— Тогда ты овощ! — нахожу в себе силы пошутить я.

— Только не говори, что я редиска, — хмыкает друг.

— Ты... ты... бешеный огурец.

Когда мы расходимся, мое настроение уже приобретает светлый оттенок. Потому что Вадим — друг. Лучший друг.

2 сентября, вторник

Я всегда забываю поменять тот противный сигнал, который будит меня по утрам. Хотя время от времени я задумываюсь: есть ли в этом смысл? Любая мелодия, которая разбудит тебя в семь утра, покажется кошмарной.

Сонно собираюсь в школу и не сразу вспоминаю, что сегодня мой день рождения. Да, он у меня 2 сентября. Так что этот день не совсем праздник... В школу же надо!

...Как только вхожу в класс химии, сразу замечаю, что Радия нет. С радостью устраиваюсь рядом с Вадимом и начинаю мечтать о том, что мой новоявленный враг не придет. Шансы на это достаточно высоки — до звонка всего две минуты.

Сегодня в честь дня рождения я не опоздал — хотел, чтобы он прошел как можно лучше. Но меня ждало большое разочарование — по-видимому, Вадим забыл о том, какая знаменательная дата у меня сегодня. Да и другие одноклассники тоже не поздравляют... Где рыжий Гришка, что всегда дарил мне какую-нибудь ерунду? Где сухощавый Васек, что тянул меня за уши?

Раздается второй звонок, и я вздыхаю с облегчением: Радий не пришел.

Как-то некстати в соседнем кабинете музыки начинает играть пятая симфония Бетховена: «Та-та-та-там... Та-та-та-там...».

— Здравствуйте, садитесь, — улыбается учительница, и эта улыбка странно контрастирует с музыкой из соседнего кабинета. — Как отдохнули за лето?

На последней парте просыпается отъявленный двоечник и бормочет:

— А? Что? Уже новый учебный год? Ребят, я же просил разбудить меня весной! Ну вот... проспал все лето в школе...

Смеются все, но не я. Мой взгляд устремлен в проем двери, в котором появляется Радий.

— Извините, можно войти? — спрашивает он.

— Входи, Резерфордьеv. В следующий раз не пуцу.

Парень будто пропускает все это мимо ушей, входит в класс и занимает место позади нас с Вадимом, за последней партой.

— Итак, задача нашего сегодняшнего урока поговорить о... — начинает учительница.

Уже не слушаю преподавателя. Думаю о неприятной ситуации, которая складывается со мной в этом году. У меня появился враг. Это более чем неприятно. Нужно как-то менять ситуацию.

Ко мне прилетает самолетик, который запускают по классу мои одноклассники, когда учительница отворачивается к доске. Ведут себя как маленькие дети. Неужели им еще интересны подобные игрушки? Метко запускаю самолетик прямо в мусорку. Несколько человек показывают мне поднятый вверх большой палец.

К концу урока принимаю решение серьезно поговорить с Радием.

На перемене я уже собираюсь подойти к своему противнику, как его окружают одноклассники. Они с ним общаются, как будто он здесь с первого класса и заслужил огромное уважение! Я не чувствую ничего, кроме злости. Хорошо хоть девочки с ним не разговаривают, лишь косятся неодобрительно.

Вскоре Радий отделяется от одноклассников и идет по направлению к туалету. Я быстро следую

за ним, он вроде этого не замечает. Через некоторое время мы оказываемся в почти безлюдной части коридора, и я, наконец, решаюсь.

— Радий!

— Что? — Мой недруг останавливается, медленно поворачивает голову в мою сторону.

— Давай забудем нашу вражду и будем относиться друг к другу по-человечески?

Радий вдруг громко смеется так, что слышит, наверное, весь коридор.

— По-человечески? Ты себя-то видел, неудачник?! Осмелился встать на моем пути — теперь будешь отстоем класса. Твои одноклассники будут моими слугами. Ты же будешь в самом низу, на уровне грязи.

Я с размаху заряжаю ему в нос. Так. Противник шагает навстречу мне. Так. Недруг хватается за руку и выворачивает ее так сильно, что я чуть ли не вскрикиваю от боли.

— Так, что здесь происходит? — раздается за моей спиной голос заместителя директора.

Радий быстро отпускает мою руку, отходит на шаг назад и мгновенно преобразуется в лице. Прямо пай-мальчик!

Я молчу.

— Еще раз такое увижу, и вы попадете к директору, это я вам обещаю, — проговаривает сквозь зубы мой спаситель.

Радий разворачивается и идет в сторону туалета, я возвращаюсь к классу.

Настроение портится окончательно.

Меня уже посещает мысль, что оно и останется таким до конца дня, как вдруг на втором уроке, истории, меня радует неожиданный сюрприз. Вадим, оказывается, не забыл! Друг дарит мне черный галстук, и я не могу удержаться, чтоб тут же, на занятии, не распечатать и не примерить его.

Но на перемене настроение снова ухает в глубокий ухаб. Вокруг Радия снова компания парней, а я стою один, и мне не с кем общаться. Не понимаю, почему он так популярен?! В нем же нет ничего такого... Он же пустой. Абсолютно!

День проходит мучительно, несправедливо, хотя были и подарки, и торт. Я не успеваю оглянуться, как на улице выключается солнце, включается луна, и наступает время ложиться спать.

Но сон, как и Радий, тоже будто объявляет мне войну. Постоянно переворачиваю подушку холодной стороной и бегаю на кухню попить. Что-то не так. Я чувствую это. Что-то больно колет сердце, не давая насладиться даже тем, что день закончился и можно отдохнуть. Откуда взялось это волнение?

Встаю в совершенно разбитом состоянии. Кто его разбил? Эта бессовестная бессоница? Невыносимый Радий? Или...

Все же надеваю подарок. Галстук действительно хороший, стильный. Я улыбаюсь своему отражению, а оно отвечает мне какой-то кислой миной с потухшими серьезными глазами.

Выхожу из дома. По дороге в школу встречаю... О, это невыносимо!

Радий быстрым шагом проходит мимо меня, сильно толкая плечом. Я теряю равновесие, и...

Перед глазами ядовито-красная пелена злости. Руки сжимаются в кулаки. И чешутся. Ужасно чешутся подрасться с Радием. Но я знаю, что такой бой ничего не изменит, и поэтому злюсь еще больше.

Я сижу в луже. В буквальном смысле. Да и в переносном тоже. Придется идти домой переодеться...

В школу я, конечно, опаздываю. Ну... как всегда, чего уж тут... Но уже не на две-три минуты, а на все десять. Как следствие, пишут замечание в дневник, ругают. Чего уж там, я давно к этому привык.

...Перед вторым уроком заботливая учительница литературы говорит мне:

— Саша, у тебя синие круги под глазами. Поздно ложишься спать?

— Нет, ложусь рано. Когда уже рассвет, — хмуро отвечаю я, опуская глаза.

— Ты знаешь, нужно спать семь-девять часов, — наставляет преподаватель.

Радий сейчас в классе, а в его присутствии не хочется сообщать учительнице о том, что у этого есть свои психологические причины, и я говорю:

— Не мог оторваться от компьютерной игры.

— Ну и поколение... Что из вас вырастет? — со вздохом произносит преподавательница. — Если бы вы были нормальными...

Если бы... Если бы этот мир был нормальным...

Третий урок — алгебра. На нем Вадим сидит со мной. В отличие от первых двух.

К концу занятия оказывается, что мы сегодня пишем самостоятельную работу, как раз эти последние пятнадцать минут. У меня-то по алгебре хиленькая четверочка, а у Вадима — тройка, так что я ему постоянно даю списывать. И этот раз не становится исключением.

После урока Вадим, даже «спасибо» мне не сказав, идет к компании Радия. У меня возникает ощущение, что мной воспользовались. А я думал, на свете есть справедливость. Хотя... Я все еще

считаю, что она есть. Только она объявит о своем существовании позже. Намного позже...

На перемене я не могу придумать, чем себя занять. Очень скучно быть одному.

4 сентября, четверг

Просыпаюсь с четкой мыслью, что нужно срочно поговорить с другом. Конечно, понимаю, что не могу диктовать ему, с кем общаться, а с кем нет, но это уже переходит все границы. Я дал Вадиму время понять, что за человек этот Резерфордьеv. Три дня — это много или мало для этого? Порой, чтобы узнать человека, требуется минута. Вот я понял, что представляет собой мой теперешний недруг, именно за это время.

В школу собираюсь как никогда быстро, хочу разобраться во всем как можно скорее, лучше всего до уроков. Но, конечно, опаздываю. Если можно считать опозданием вход в класс со звонком.

На перемене подхожу к другу, стоящему в компании Радия, беру его за локоть, говорю: «Давай отойдем, сказать кое-что надо». Вадим кивает и следует за мной. Отходим на несколько метров, останавливаемся. Я внимательно смотрю на друга.

Настроение у Вадима веселое, в противоположность моему. Но вот взгляд холоднее, чем раньше. Весь его вид говорит: «Давай быстрее, а то не услышу следующую историю Радия».

— Ты знаешь, — начинаю я.

Компания моего недруга взрывается смехом после очередной истории Резерфордьеvа, и мой собеседник непроизвольно смотрит в ту сторону.

— Мне не нравится, что ты общаешься с Радием.

Вадим некоторое время задумчиво смотрит на меня, и отвечает:

— А ты не хочешь перейти в его компанию? Там интересно.

— Нет, не хочу! — громко восклицаю я, и одноклассницы, стоящие неподалеку, испуганно косятся в нашу сторону. — Вообще-то мы с ним враги, — продолжаю чуть тише. — Если ты не заметил.

— Ну, так попроси у него прощения.

Все слова будто упали в царскую водку, которая разъедает даже золото. А раз слово — серебро по известной поговорке, значит, и его может разъесть? Во всяком случае, слов теперь нет. Изумление затмевает все. Как? Ну как можно было такое сказать?!

— За что?!

— Он нам все рассказал, — спокойно проговаривает друг.

— Что ты рассказал?!

— Что ты ему нахамил.

— Да?! И как же я ему нахамил?! — восклицаю я так громко, что эти слова слышит даже вся компания Радия, до этого чрезвычайно занятая своим важным разговором.

Да что этому Резерфордьеvу надо?! Он и так делает мою жизнь невыносимой! Забрал лучшего друга, всех приятелей и нормальную, почти счастливую жизнь!

Поднимаю взгляд на своего недруга. На его губах — ухмылка. Мне становится ужасно противно от всей этой ситуации, от этой злостной усмешки, от своей несдержанности.

— Обыкновенно, — раздражающе тихо отвечает друг. — А я-то думал, что ты...

Так, ясно одно: Радий всех обманул. Что он такого им сказал, что даже Вадим мне такое говорит?

— Слушай, Радий врет. Уж не знаю, что он вам такого сочинил, но все, что он сказал, — неправда. Давай я объясню, как это было на самом деле... — начинаю я, но друг меня перебивает.

— Нет, у меня на это нет времени. Да какая разница, как это все было?! — говорит он и уже собирается уйти, как я его хватаю за рукав.

— Ты чувствуешь, что происходит с нашей дружбой? Так продолжаться больше не может. Выбирай, с кем общаться: либо со мной, либо с Радием.

— Я не буду никого выбирать. Мне с ним интересно, — немного недоуменно отвечает дру...

Все. Именно в этот миг понимаю, что у меня больше нет друга и он никогда не вернется. И я внутри себя снимаю с него эту ответственную должность. Не просто из-за политики «друг моего врага — мой враг». Есть и другие причины.

Невозможно оставаться друзьями, не общаясь, а ведь теперь Вадим почти не будет со мной разговаривать.

Зная подлую натуру Радия, можно предположить, что он будет использовать Вадима, чтобы всячески испортить мне жизнь.

Я уже чувствую, как «друг моего врага» меняется. И не в лучшую сторону. А что будет через месяц? Два? В кого он превратится от этой новой дружбы, если это можно так назвать?

Человек, имеющий в близком окружении такого типа, как Радий, не достоин уважения. А дружбы без уважения не бывает.

И еще. Тоже очень важно. Друг никогда не предаст.

Значит, у меня и не было друга. Все это время. Я мысленно называл самым лучшим другом

того, кто был просто... губкой. Губкой, которая идет туда, где интересней, и впитывает все, до последней капли. Губкой, которой нужны шутки, а не друзья.

Наконец, мое подсознание это осознало, и это ужасное знание пробилось в мое сознание.

На следующем уроке, биологии, получаю пять. Так, случайно. Домашнюю работу я, конечно, не делал, просто параграф, который мне задали пересказать, очень легкий. Меня, конечно, охватывает некоторое вялое ликование, но какое-то... приглушенное. Зачем нужна радость, если ты не можешь ее ни с кем разделить? И это хорошее настроение от отличной отметки испаряется в минуту.

Настроение не меняется и когда я прихожу домой. От обеда я отказываюсь, но все-таки ужинаю. Но так, немного, без аппетита.

Половину ночи не сплю. Лежу в наушниках, слушаю музыку в плеере. Думаю о поступке Вадима.

Я могу пережить предательство. Пусть сейчас мне очень больно, пусть! У меня есть для этого силы, как и у всякого другого человека. Я могу и простить предательство, ведь прощать нужно все. Но забывать предательство я не собираюсь. Дело не в злопамятности, а в наставлениях жизни, которые делают тебя опытной. Из всего нужно выносить какой-нибудь урок.

Но возникает вопрос: что делать дальше? Просиживать в школе шесть-семь часов, ни с кем не общаясь? Спасибо, за последнее время я уже натерпелся этого ада! С меня хватит! Возможно, мне придется перейти в другую школу: в этом коллективе я друзей уже не найду. Или стоит поискать «нормального человека» среди ребят из параллельных классов?

«Нормального» — не в обиходном смысле. Жаль, что многие, сознательно или бессознательно, считают безнравственность «нормальностью». Для меня «нормальный человек» — это человек, умеющий хотя бы дружить. Я и не прошу большего.

Ну и где же «нормальные люди»?

2.

8 сентября, понедельник

Далеко не все в жизни получается так, как мы хотим. Вот сегодняшним утром я полез в холодильник, чтобы достать оттуда свой йогурт... а его уже кто-то съел! А я хотел совсем немногого...

Совсем немногого я хотел — всего лишь перейти в другую школу. Но надежду на то, что мое

желание в ближайшее время исполнится... Вот вчера вечером я рассказал родителям, что не хочу больше учиться в этой школе, потому что учителя и ученики... В общем, далеко не все в жизни получается так, как мы хотим.

Родители сказали, что надо доучиться хотя бы до конца первой четверти, так что мне еще мучиться и мучиться. А вот в пятницу я особо не мучился. А все потому, что душевно замучился еще в четверг. У меня даже поднялась температура. Наверное, душевное состояние отразилось и на физическом.

Зеваю и выглядываю в окно. Почему-то кажется, что небу не так холодно, как неделю назад. Или это только кажется?

Знаю, этот мир живет по каким-то своим особым законам, и мне вряд ли их когда-нибудь понять. Теперь я понимаю, что такое отчуждение. Мир где-то там, а я отдельно. Стою в школе у стены, бездумно смотря перед собой. Слева хихикают девочки. Где-то впереди и справа смеется компания Радия. Не вслушиваюсь в разговоры вокруг. Мысленно сооружаю вокруг себя невидимую стену. Не хочу контактировать с тем жестоким, холодным миром. Не хочу...

Так! Что-то мысли не те... Похоже, именно это называется «замкнуться в себе». Нужно срочно искать человека, с которым бы я смог дружить. А ведь трудно, оказывается, искать такого человека. Некоторые могут похвастать тем, что легко заводят друзей. А мне почему-то кажется, что они заводят приятелей, общение с которыми так же быстро заканчивается, как быстро и начиналось.

А какие критерии мы применяем при поиске друга? Какие? Схожие интересы? Чувство юмора? Пожалуй, да. Но иногда этого недостаточно. Некоторых волнует социальный статус, некоторых нет. Некоторые даже выбирают по внешности. Возможно, у меня слишком строгие критерии, но я хочу, чтобы у меня был нравственный друг. Но как его найти в этом почти равнодушном мире? Или... мне только кажется, что он равнодушный?

Вот Вадим на секунду отрывает взгляд от Радия и с какой-то злостной усмешкой смотрит на меня. Сначала безразличие, потом ненависть... Похоже, ненависть заразна. А ведь это одна из самых худших душевных болезней. А люди этого не видят. И прожигают свою душу вновь и вновь яркими кроваво-красными мыслями, которые рождаются из-за этого чувства. Нет чтобы питать свою душу светом.

Хотя ненависть ведь тоже очень интересное чувство, ведь так? Очень противоречиво чувство...

Не вижу смысла во вражде. Я понимаю, Радий таким образом пытается самоутвердиться, но это вполне можно делать и другими, более «бескровными» методами. Люди часто пытаются скрыть собственную неполноценность агрессивным поведением. А за маской уверенности в себе, социальной роли лидера вполне может скрываться жажда признания, уважения общества... Значит, его поведение можно исправить. Сходить бы Радия к психоаналитику.

Не знаю, как Резерфордьеву, а мне нужна дружба. Пойду поищу кого-нибудь на роль «пробного нового друга».

Не успеваю я додумать эту мысль, как раздаётся звонок на урок. Похоже, мне придется отложить «поход» на следующую перемену.

...Когда урок заканчивается, я первым выхожу из класса. У меня должно быть больше времени, ведь я не знаю, как начать знакомство. Понятно, если парни знакомятся в школе как одноклассники, или в драке, или их знакомят общие друзья. Или, на худой конец, в Интернете, по интересам. Но если один парень подойдет для знакомства к другому в школьном коридоре, то будет ли это нормально?

В голову даже пришла абсурдная мысль, не развесить ли в нашем районе объявления «Потерял друга. Ищу замену. Нашедшему — 300 рублей».

И ниже написать свой номер телефона.

Ага. Дружба не продается и не покупается. Если происходит иначе, то это не дружба. А эквивалентом денег могут служить и другие вещи.

Стройные ряды моих мыслей разрывает чужой вопль.

— Ненавижу химию! — кричит какой-то парень, быстрым шагом выходя из соседнего кабинета и чуть ли не сталкиваясь со мной.

— Я тоже, — поддакиваю я, надеясь этим заработать его уважение.

Парень на секунду останавливается, оборачивается и недоуменно смотрит на меня. Я улыбаюсь. «Пробный новый друг № 1» хмурится, фыркает и... шагает прочь.

Да... Так у меня ничего не выйдет.

— Ну что вы, коллега. Вас же могла слышать учительница химии, — раздается насмешливый голос откуда-то сзади.

Я оборачиваюсь. Передо мной стоит парень немного ниже меня ростом, с аккуратно причёсанными волосами и серьезным взглядом.

— Аркадий, — представляется он и протягивает мне руку, которую я тут же пожимаю.

Вот это да! Я шел знакомиться, а познакомился со мной!

— Саша, — бормочу я, не зная, что еще сказать.

— А знаете ли вы, Александр, что скорость звука в воздушной среде при нормальных условиях приблизительно 340 метров в секунду? И таким образом учительница по химии, находясь в дверях своего кабинета, где она могла сейчас быть примерно с вероятностью 35-42 %, могла услышать ваше нелестное замечание менее чем за 1/50 секунды.

— Занимательно, — проговариваю я, не желая «отпугивать» нового знакомого.

Но уже через десять минут жалею о том, что поддержал разговор, и думаю, как же отвязаться от этого Аркадия.

Я никогда никого из своих знакомых не считал занудой. Я даже не понимал, как это — «зануда». «Разве бывают скучные люди?» — думал я тогда. Теперь я понимаю, скучных нет, но бывают люди, просто не интересные тебе. Когда тебе не интересны их разговоры, их воспоминания, их чувства. Такое бывает, и в такой ситуации нужно исправлять... себя.

Нужно уметь выслушать каждого человека. Другое дело решить, нужен ли тебе такой друг. Сможете ли вы что-то дать друг другу? Если нет, то нужно сказать прямо своему новому знакомому, что вам не быть друзьями. И объяснить все. Но лучше, конечно, с течением времени узнать человека лучше, дать ему второй шанс.

Есть такой вид любви — агапе. Это когда любишь каждого человека на земле. Несмотря ни на что. Мне бы хотелось, чтобы в каждом из нас жила такая любовь. Но люди травят это чувство друг в друге как только могут — безразличием, злостью, ненавистью...

И у меня сейчас нет сил на такую любовь...

Терпимость. Вот то слово, мимо которого я мысленно прохожу уже много раз, но никак не хочу замечать. Терпимость — это то ключевое слово, которое даст мне возможность выбраться из намечающегося уныния.

Но сейчас в мой воздушный шарик под названием «терпимость» вдули слишком много воздуха. Очень постарался Радий. Резерфордьева выполнил, можно сказать, большую часть работы. Потом стал потихоньку дуть Вадим. Могло бы показаться, что он сильнее дунуть не может, но в конце мой бывший друг дунул так... Теперь воздушный шарик моей терпимости надут до упора и поэтому может лопнуть совсем от малого.

БАХ!

Да... недолгой была наша «дружба»...

— ДА ЗАМОЛЧИШЬ ТЫ КОГДА-НИБУДЬ УЖЕ ИЛИ НЕТ?!

Парень испуганно отшатывается. Радий, проходящий мимо, чуть не спотыкается и удивленно поднимает глаза на меня. Учительница по биологии, тащившая куда-то модель скелета человека, роняет ее на какого-то маленького мальчика, отчего тот визжит, как девчонка; но на это никто не обращает внимания. Кажется, все люди, находящиеся в этом коридоре, смотрят на меня.

Раздается спасительный звонок, и я бегу к кабинету, в котором должен быть наш следующий урок. В голове успевает промелькнуть мысль, что это первый звонок на урок, которому я так рад.

Осень... Самое разумное время года. То время, когда мозги не так сильно разогреты, как летом. Не так «заморожены», как зимой. И не так заняты амурными делами, как весной.

Уроки закончились, и я иду домой. Настроение неожиданно осеннее, но, несмотря на это, музыка в наушниках — отнюдь не «Времена года» Вивальди. Не пришло ли время новой, современной классики?

Подхожу к своему дому. На лавочке рядом с подъездом сидит старушка, которая помешала нашей драке с Радием при первой нашей с ним встрече.

— Здравствуйте, тетя Марина, — киваю я соседке.

— Здравствуй, Сашенька. А я как раз тебя жду, — улыбается она и с усилием встает с лавочки. — Сейчас зайдем ко мне, я тебе дам плакат.

— Какой плакат? — недоуменно спрашиваю я.

— Для твоей сестренки.

Я следую за соседкой в ее квартиру. Она приводит меня на кухню и сажает на старое потрепанное кресло.

— Подожди, я сейчас, — говорит она и скрывается за дверь в другой комнате.

О мою ногу что-то трется и мурлычет, и я опускаю глаза вниз. Это Пуся, кошка тети Марины! Я глажу животное, но на руки не беру — шерсть от этого пушистого создания так и лезет. Пуся и раньше была не худышкой, чего никак не могла скрыть даже ее длинная шерсть, а сейчас потолстела еще больше. Видимо, соседка ее очень балует.

— Ох, что-то суставы ломит, к дождю, наверное, — бормочет скорее себе, чем мне соседка, входя на кухню. — Держи, Сашенька, отдашь своей маленькой сестренке, — продолжает она более громко.

Я принимаю из рук тети Марины плакат, разворачиваю его и... взрываюсь смехом. На плакате ангелочек на розовом фоне! И при этом невероятно детский ангелочек. Как для ребенка, которому нет и года.

— Моя сестра уже не такая маленькая, она не станет вешать это в свою комнату, — честно говорю я.

— Возьми-возьми. Она девочка хорошая. Я знаю, ей понравится.

Я еще немного отпираюсь, но соседка очень настойчива, и мне приходится взять плакат.

Сестра, конечно, от плаката отказывается. У нее уже наступает тот сложный возраст, когда все стены оказываются завешенными плакатами с рок-группами, а на рабочем столе компьютера красуется что-то страшное и непонятное.

Недавно она хотела проколоть себе бровь и рассказала об этом мне. Естественно, мама это узнала в тот же день, и после знатного нагоняя стремление сестры бесследно испарилось. Но это было только начало. Вдруг, ни с того ни с сего, она начала злиться, когда кто-нибудь заходил в ее комнату. Мама и папа в ответ сначала только хмурились, но конфликт все назревал, и вскоре грянуло. Мама вылетела из комнаты сестры с плачем и криками «Тебе от меня только одно нужно! Принеси, убери, пошла вон — вот твое отношение!». Сразу же после этого в комнату сестры влетел папа. «Неделю без Интернета!» — громко сказал он, широким шагом прошел в коридор, достал роутер и пошел вместе с ним успокаивать маму.

Так мы с сестрой остались без Интернета. Роутер родители спрятали в своей комнате, но моя сестра нашла его уже на следующий день. Пока родителей не было дома, мы поставили роутер и полдня просидели в Интернете, а потом сестра спрятала роутер у себя в книжном шкафу за книгами.

На следующий день мы пошли в школу, а родители перерыли весь дом в поисках роутера. Оказалось, эта дуручка взяла его с собой в школу, чтобы его не нашли! Так в тот же вечер созрел грандиозный скандал, и сестра, улучив удобный момент, взяла сумку и сбежала из дома. Мы нашли ее через несколько часов в ближайшем парке, продрогшую и голодную. Ее взгляд говорил о том, что ей некуда идти.

После, придя домой, она сказала, что у нее отобрали сотовый. Родители, которые не прекращали ее ругать, расстроились еще больше, но одновременно и пожалели. Конечно, скоро им пришлось купить ей новый телефон. А еще через несколько дней, когда я искал циркуль, случайно

нашел у нее в столе ее старый сотовый. На вопрос к сестре, как это понимать, она ответила: «Спал лишь — убыю». А еще через день и палить-то стало нечего — старый телефон пропал. Оказалось, что она продала его за школьными гаражами парню из параллельного класса.

Первоначальной идеей сестры, куда потратить полученные деньги, было сделать татуировку под сердцем с именем «Лада» (и это при том-то, что она сама не Лада, а Ира!). На вопрос, почему Лада, она ответила: «Назову так свою дочь, и она всегда будет у меня рядом с сердцем». Однако сестра решила по-другому: купила краску для волос и подмешала ее в новый шампунь, который ей только-только купила мама. В результате она и волосы покрасила в ярко-розовый цвет, и не виновата оказалась, потому что, якобы, виноват был некачественный шампунь. А на следующее утро мама, еще не увидев покрашенную с вечера дочь, помыла волосы тем же самым шампунем. После этого папа еще шутил, что только нам с ним осталось покраситься в ярко-розовый, чтобы мы все были нормальной ненормальной семьей.

Так что моя сестра не ангелочек. А плакат придется брать с собой завтра в школу, чтобы отдать кому-нибудь из младших классов. А то выбрасывать и жалко, и как-то неудобно.

Ложусь спать я в более хорошем настроении, чем то, что сопровождало меня целый день. За окном синее небо моего любимого оттенка. Я даже на несколько секунд замираю, внимательно глядя в него, будто «впитывая» этот цвет. Люблю небо.

Небо... Небо...

О, небо! Что ты мне предложишь завтра? Грозу или солнце? Счастье или несчастье? И... не переменится ли к вечеру погода?

Я усмехаюсь собственным напыщенно-возвышенным мыслям и ложусь спать. Небу все-таки немного теплее.

9 сентября, вторник

Лифт в моем подъезде еще не починили» — именно это оправдание я готовил для учительницы химии, которая должна была отругать меня за опоздание. Но когда я прихожу в класс, ее еще нет, так что я быстро готовлюсь к уроку и делаю вид, что я прилежный ученик.

По случаю своего опоздания на урок и плохого поведения ребят моего класса (афишировалась только второе) учительница не отпустила нас на перемену и продолжила занятие и после спасительного — как мы думали — звонка. В результате нас «милостиво освобождают из плена» только за

две минуты до начала следующего урока — истории. А кабинет по этому предмету прямо в противоположной части школы от кабинета химии. Так что перемена, можно сказать, «испита до дна».

...Но не нами.

Пока наш класс неторопливо идет в следующий кабинет, я слышу отрывок разговора Радия с кем-то из парней:

— Выучил историю? — спрашивают моего врага.

— Шутишь? Буду я тратить время на эту скуку! Я даже на урок не пойду! Домой свалю, — отвечает он.

— Что?! Каким образом?! — раздается удивленный голос сзади.

— Увидишь, — в голосе Радия явно слышна усмешка.

Когда наш класс «втекает» в кабинет, Резерфордьев прямоком подходит к учителю и начинает ему что-то говорить. Я не прислушиваюсь. Делать это нет ни малейшего желания.

— Александр. — Я чувствую на себе внимательный взгляд преподавателя и поднимаю голову.

Учитель истории всегда так ко мне обращается. Уж не знаю, почему. Имена других ребят называет кратко или зовет по фамилиям. А меня — Александр. Не уважение ли это?

А вот Радия он с самого первого дня невзлюбил. И спрашивает на каждом уроке, и спрашивает. Я даже какую-то жалость испытываю к своему врагу.

— Резерфордьев меня уверяет, что забыл дома выключить утюг. Может, ты сходишь к нему домой и сделаешь это? Он живет тут недалеко, в доме Гриши, с которым вы с недавнего времени не общаетесь. Ты ведь знаешь, где это? — произносит преподаватель.

Я удивленно киваю.

Радий пытается как-то протестовать, но учитель его даже не слушает. Преподаватель приказывает Радия достать ключи от квартиры из школьной сумки и отдать мне.

— Не обворует он тебя, успокойся, в нашей части городка каждая старушонка всех вокруг знает. — Вот последние слова учителя, которые я слышу перед тем, как оказываюсь за дверью.

...Почему я туда иду?

Во-первых, мне интересно, как выглядит квартира Радия и его комната в частности. И я просто не могу упустить такой шанс побывать там.

Во-вторых, мне нужно где-то просидеть этот урок, чтобы учитель думал, что я действительно пошел выключать утюг, а шнырять по подъездам в школьное время не очень хорошо.

В-третьих, мне нужно выполнить долг перед учителем. Не зря же он меня так уважает?

В-четвертых, а вдруг Радий и правда забыл выключить утюг?

К слову, последний пункт этого списка самооправданий я вношу лишь чисто символически.

В квартире Резерфордьева никого не оказывается. Я снимаю свою черную осеннюю куртку, кроссовки, школьную сумку, которую прихватил чисто машинально, и иду смотреть дом.

Комнату Радия я нахожу почти сразу. Ее вполне можно назвать обычной, однако есть в ней какие-то отдельные, особенные элементы, которые выделяются из общей серости. Так, например, большое квадратное зеркало. Или покрывало его кровати, на котором рисунок шахматного поля, по двум противоположным сторонам которого расположены фигуры. С одной стороны — черные, с другой — белые. Или отсутствие в комнате книжного шкафа.

Остальное было не столь примечательно. На обоях ненавязчивый рисунок. Телевизор плазменный. Стол с компьютером. Кстати, ноутбук точно такой же, как и у меня. Возмутительно!

Это не то, чего я ожидал. Нет «школьной» доски со злостным планом захвата мира. Нет большого количества ужастиков и боевиков на полке с DVD-дисками. Нет черных стен и плакатов рок-групп на них.

А вот плакат с ангелочком будет смотреться в самый раз! Я подхожу к своей школьной сумке, вытаскиваю из нее плакат, беру на столе Радия ножницы, отыскиваю скотч. Теперь жить становится как-то веселее.

...Глядя на результат моего труда, я не могу не улыбаться. Все-таки красиво получилось! Какая ирония! Какая легкая насмешка! Какая маленькая колкость!

Вдруг начинают бить настенные часы, и я испуганно вздрагиваю. Они висят в соседней комнате, а звук от них разносится по всему дому. Как же здесь спит семья Радия?

Стоп. Пробыло... сколько раз? Смотрю на ближайшие часы. 10:00. Значит, через несколько ми-

нут закончится второй урок, а я тут маюсь неизвестно чем!

Единственная мысль бьется в моей голове, когда я подхожу к школе: «А мне ведь надо отдать ключи своему врагу!»

Я не успеваю отдать Радию ключи до третьего урока потому, что сам вбегаю в класс через тридцать секунд после звонка.

После урока Резерфордьева нигде не видно, и я решаю пойти его поискать — будет намного лучше, если я отдам ключи своему врагу без свидетелей. По крайней мере... без знакомых мне свидетелей.

Не успеваю найти Радия, как меня в коридоре больно толкают в плечо. Резерфордьев. Кто ж еще? Его королевское величество само меня нашло.

— Где ключи?

Я протягиваю недругу его вещь.

— Если только узнаю, что там хоть что-нибудь пропало... — шипит Резерфордьев.

Порываюсь сказать какие-нибудь презрительные слова, но даже в мыслях они почему-то не обретают сколько-нибудь ясной формы, и я молчу.

Хочу затеять драку, но Радий вдруг отпускает меня и уходит. Ого!

Итак... звание мистера миролюбия достается сегодня... Радю Резерфордьеву! Ура, товарищи!

Сегодня я как-то особенно сильно устаю в школе, поэтому очень спешу домой, чтобы поскорее завалиться на диван перед телевизором. Но, видимо,

моим мечтам не суждено столь быстро сбыться, потому что у входа в подъезд меня останавливает тетя Марина:

— Сашенька, милоч, у меня так суставы болят... Можешь сбежать в магазин, купить пару бутылок «Дюшеса»? Я тебе сейчас дам денежку.

Я растерянно смотрю на соседку, вручающую мне деньги.

...Через несколько минут возвращаюсь из магазина, отдаю пакет с лимонадом соседке и со спокойной совестью иду домой.

10 сентября, среда

По дороге в школу на меня накатывает сушняк, и я забегаю в магазин купить бутылочку воды. И, конечно, это причина моего очередного опоздания в школу. Точнее — почти опоздания. Я влетаю в класс за одну секунду до звонка.

Только успеваю поставить школьную сумку на парту, как в класс быстрым уверенным шагом входит учитель геометрии и закрывает дверь на ключ. Наши уже давно знают эту его методику — опоздавшие на урок не допускаются. С этим у учителя геометрии строго.

— Всем встать, — произносит учитель, хотя и так уже весь класс поднялся из-за парт.

Мне всегда это напоминает фразу «Всем встать, суд идет», которую постоянно произносят в судебных разбирательствах, показываемых по телевизору.

— Здравствуйте, садитесь, — сухо произносит преподаватель. — Как мы с вами договорились, сегодня во второй половине урока у вас будет самостоятельная. Конечно, жаль, что 1 сентября у нас пропал урок из-за того, что это был сокращенный день, но в пятницу мы повторили основной материал прошлого года и теперь готовы ее писать. Чтобы не было пересаживаний в середине урока, разговоров и списываний, я сейчас же скажу, где и с кем каждый из вас будет сидеть.

Конечно! Закон подлости еще никто не отменял! Пришел — и сразу самостоятельная! А ведь меня в пятницу, когда они «договорились о самостоятельной», даже в школе не было.

Я на некоторое время задумываюсь о всех превратностях судьбы, выпавших мне на голову будто в виде четырехкилограммового кирпича. Такое впечатление, что судьба играет со мной в «Догони меня кирпич», только, кажется, она забыла, что время от времени мы должны меняться ролями в этой игре.

...Так что я там говорил про закон подлости? Кажется, он имеет особенную силу сегодня — меня

сражают с Радием. И только я успеваю перетаскать свои вещи на указанную парту и открыть тетрадь, как меня вызывают к доске.

«Новый Малевич подрастает», — думаю я, рассматривая то, что Радий нарисовал в моей тетрадке за то время, что я отвечал у доски. Ангелок (я не Резерфордьева имею в виду, а его рисунок) очень похож на того, что был на плакате. А я думал, что его месть за мои проказы будет страшнее! А ангелок — это по-своему мило. Все бы ничего, но нам тетради сдавать в конце урока. Не найдя другого выхода из сложившейся ситуации, я вырываю лист, за что тут же получаю выговор от учителя за «недолжное отношение к школьным тетрадям и геометрии в частности». Наверное, Радий предвидел это, и скорее всего, он рассчитывал, что выговор будет строже.

Когда Радия вызывают к доске, мне хочется тоже что-нибудь нарисовать в его тетради, но меня останавливает инстинкт самосохранения и мысль о том, что я уподоблюсь Резерфордьеву, если поступлю так. Все-таки решаю этого не делать.

Как только Радий садится на свое место, учитель раздает листочки с заданиями самостоятельной работы и говорит, что мы можем начинать.

Среди номеров на расчет по формулам включается задача на доказывание теоремы.

По-тихому перетаскиваю учебник с парты к себе на колени и начинаю списывать.

Радий вдруг нагибается к моему уху и шепчет: — А я уж думал, ты маменькин сынок.

Я недоуменно смотрю на него, после чего фыркну и продолжаю списывать. Чего тратить время на таких людей.

На перемене перед следующим уроком достаю из сумки бутылку с водой и делаю пару глотков. Морщусь. Денег, что были с собой, хватило только на воду. Причем, торопясь в школу, я случайно купил газированную, которую очень не люблю.

Иногда меня посещает мысль, не начать ли читать что-нибудь в школе, раз уж перемены я тут провожу так скучно и бессмысленно. Благо книжный шкаф в моей комнате есть. Хотя я особенно не читаю...

Но сегодня я, против обыкновения, захватываю с собой книгу. Называется «Как выжить среди идиотов». Название, говорящее само за себя, не правда ли? Открываю первую страницу и пробую сосредоточиться на чтении, но мне что-то мешает. То ли гвалт вокруг, то ли недоуменные взгляды одноклассников — не каждый день увидишь меня

за чтением. Я даже не понимаю смысла предложений, поэтому тут же с раздражением захопываю книгу и сую в школьную сумку. Нужно искать другое занятие.

11 сентября, четверг

Надо было до такого додуматься — притащить в школу гитару! Я возвращаюсь из столовой с завтрака, когда слышу звуки музыки, раздающиеся из класса, в котором будет наш следующий урок. Радий брэнчит, окруженный одноклассниками и даже некоторыми одноклассницами. Надо же, не знал, что он умеет играть... Я даже не видел в его комнате гитары.

Видимо, я успеваю на самое начало представления. Радий поет незнакомую мне песню. Сажусь за свою парту, достаю сотовый телефон, чтобы создать видимость, что я чем-то занят, а сам краем уха слушаю. Когда она заканчивается, боковым зрением замечаю, что Радий встает и начинает кланяться. Раздаются даже негромкие аплодисменты.

— Чего-то у меня в горле пересохло... Кто-нибудь, принесите мне попить, — растягивая слова, произносит Резерфордьеv, и тут же два человека срываются с места.

— Эй, как тебя там... — Я чувствую взгляд Радия и вопросительно поднимаю глаза. — Ты играть-то хоть умеешь?

— Умею, — на повышенных тонах отвечаю я, встаю со стула, тянусь к гитаре, чтобы показать, насколько хорошо я умею играть. Ведь недаром же я три года учился в кружке гитары! В сознании быстро всплывает песня, которую хорошо было бы сейчас спеть, которая была бы в данный момент актуальна...

Но Резерфордьеv не отпускает гитару, резко тянет на себя, и она выскальзывает из моих рук.

— Ты еще смеешь прикасаться к моей гитаре?! А ну-ка вышвырни его отсюда! — надменно восклицает Радий.

Васек, мой бывший приятель, хватает меня и выставляет за дверь класса. Я настолько изумлен, что не сопротивляюсь.

— Что с тобой?! — восклицаю я, когда он отпускает меня и уже собирается идти обратно. — Неужели я чем-то заслужил это?!

Васины глаза, подернутые тинной слепотой подчинения Резерфордьеvu, на несколько мгновений проясняются, но и то не до конца, мутно-зеленые, противные куски этой тины все еще видны в них. Однако факт остается фактом — на секунду в

глазах бывшего приятеля появляется что-то, напоминающее разум, сохранившее оттенок своего мнения, и он произносит:

— Заслужил. Тебе надо со всеми нормально общаться.

И уходит.

Я стою и хватаю ртом воздух. Ах, значит так?! Значит, я должен общаться с Радием и с теми марionетками, которыми стали одноклассники?!

Вдруг успокаиваюсь. Злость быстро уходит, оставляет после себя неожиданный подарок — истину.

Как все-таки важна избирательность в общении! И дело не в том, общаться ли с нищими или *брезговать* этим. А с кем я раньше общался? Это просто люди с гниющей душой! Хотя нельзя так думать, нельзя... Где там в моем сердце агapé?

На часах уже 1:20, а спать не хочется совершенно. За окном по-своему уютно и даже как-то душевно шумит дождь. «Странно... — проносится в моей голове. — Всю первую неделю осени дождя не было, а сейчас вдруг зарядил».

Хочется выключить свет во всей квартире, встать перед окном, закрыть глаза и слушать стук капелек о стекло. В душе рождается какое-то чувство, смутно напоминающее вдохновение. У меня даже появляется мысль, не написать ли книгу под названием, скажем... «Любовные рога и попытка».

Но я этого не делаю. Я вытаскиваю из-под кровати гитару и провожу по ней рукой, сметая пыль.

«Я не разбужу сестру — у нас хорошая звукоизоляция. А родители не спят, подключают телевизор, который купили только сегодня», — всплывает в голове отговорка к совести, которая, казалось бы, стоит сейчас надо мной с бейсбольной битой в руках.

Я играю на гитаре, и капли дождя будто хотят играть со мной вместе. Но не понять — то ли они рвутся ко мне в комнату, чтобы начать творить музыку вместе со мной, то ли им довольно и того стука о стекло, что они создают... Или, может, музыка, которую они создают, — совсем не музыка? А поддерживающие хлопки зрительного зала? Если так, то когда я заканчиваю петь, эти тихие аплодисменты перерастают в бурные овации — начинается ливень. И, кажется, он теперь везде. Не только там, на промозглой осенней улице, но и у меня дома. И, будто бы, даже во мне. И ледяные капельки втекают прямо в душу...

Продолжение следует.